

с. 2.

какой-то огульный онъ просидѣлъ цѣ-
лый часъ, молча; потомъ сталъ раздра-
жаться; потребовалъ доктора. Докторъ
разумствовалъ, не вѣшалъ. Надъ нимъ сталъ
подумывать Иванъ Дмитриевичъ: «Ага,
— говорилъ онъ, — и вась засадыя, го-
лубчикъ! Очень радъ! То въ лицахъ пы-
лающей кровью, а теперь вѣдь вась будешь
хитить!» Андрей Ермавичъ сталъ сильно
раздражаться, онъ напалъ дверь и отво-
рять ее, но Инкина вкочная и загоро-
дила ему дорогу: «Но заводите безпоряд-
ки, но хорошо!» — проговорилъ онъ.
Андрей Ермавичъ настаивалъ, настаивалъ
и Иванъ Дмитриевичъ; они вступили въ драку со сторожемъ. Инкина
размазнула и ударилъ Андрея Ерма-
ча кулакомъ въ лицо. Кричать также
и Иванъ Дмитриевичъ: должно быть и
его били. Андрей Ермавичъ лезъ и фре-
таше дышало; онъ съ удвоенной жаждою,
что его ударитъ еще разъ. Точно кто-то
взялъ серпъ, повалилъ въ него и не-
сколько разъ повалилъ въ грудь и въ
животъ. Онъ боли онъ укушалъ подуш-
ку и стиснулъ зубы, а вдругъ въ голо-
вѣ его, среди хаоса, ясно мелькнула
страшная, невыносимая мысль, что та-
кую-же тою боль дозаны боль воспы-
лать годами взошла въ домъ эти лю-
ди, казавшиеся теперь, при лунномъ
свѣтѣ, черными тѣнями. На другой
день онъ умеръ отъ апоплексического
удара.

И короче по возможности кратко
содержанию романа г. Чехова, но инте-
ресъ романа заключается не столько въ
содержании, сколько въ подробностяхъ,
и чудесныхъ, чуждъ-чужь подробностяхъ,
характеристикахъ. Въ лицъ романа
знаютъ. И Чеховъ великой мастеръ похва-
лять психическій строй души, и въ на-
ибольше отвлеченныхъ чувствахъ, эмоціяхъ,
неосознанныхъ процессовъ мысли, неосу-
ловленной логики чувства. Романы про-
водятъ очень тонко и инстинктивно, эти
авторы инстинктивно не прибавляетъ къ ре-
alismu оценокъ и въ оценочномъ смысле;
онъ развѣчиваетъ необыкновенно про-
сто, правдиво, ясно. Разговоры Андрея
Ермавича съ сумасшедшимъ Иваномъ
Дмитриевичемъ — въ вой взгляды, — пораз-
дительно художественное совершенство. Это ка-
кая-то удивительно правдивая опись гу-
манности, розньства, благородныхъ по-
ривовъ, размышлений на почвѣ какого-то
безднаго, мрачнаго чувства. — Точно
внутри чеховъ что-то попорчено,
точно чего-то недостаетъ и что-то окри-
пить, хотя въ словахъ Ивана Дмитри-
евича, но смотра на вопли раздражи-
тельности, есть логика, смыслъ; онъ не
кривляется, онъ высказываетъ благород-
ная идолъ, а между тѣмъ, отъ всѣхъ
стѣнъ рѣчей вѣдь невольно, и сердце
ваше неминуемо отъ какой-то странной, по-
чти непонятной боли, которая мало по
малу вась охватываетъ. Рѣчи Андрея
Ермавича не такъ болѣзненны; чита-
тель чувствуетъ, что онъ не сумасше-
дшій, что онъ нормальный человекъ; но
и въ его рѣчахъ есть что-то, что настаиваетъ
примудрости: онъ — те же, какъ
бы, снѣжившіяся человекъ. Но вольно-
столь крупная физическая функція

органовъ, а вольно-столь психи-
ческие надлоги: это — человекъ добрый
по натурѣ, мягкій, деликатный, но
страшно ушедшій въ себя, замкнувшій-
ся, отомедливый отъ людей; у него нѣтъ
ни дѣятельной любви, ни дѣятельнаго
осоратанія, онъ — эгоистъ по натурѣ,
хотя по снѣжани онъ гуманенъ и добръ.
— Психика отъ снѣжки съ Инкиной
и смерть Андрея Ермавича прекрасна
во всемъ отношении и производитъ
сильное впечатлѣніе.

Мнѣ позавидно, и вижу, вѣста, чтобы
также подробно анализировать романъ г.
Короленко «Агъ-Дивинъ», помещенный
въ десятой книжкѣ «Русскаго Богатства»,
— хотя и этотъ романъ представляетъ
довольно выходящее литературно
произведение, написанное съ обы-
чными талантомъ г. Короленко. Место
дѣйствія романа — на далекомъ востоцѣ,
въ Сибири. Г. Короленко рассказываетъ
какъ онъ бѣжалъ однажды ночью съ това-
рищемъ изъ Якутска въ Иркутскъ. Они
остановились на какой-то станицѣ, у рѣ-
ки Лени и тутъ выслушали рассказъ
стационарнаго смотрителя Кругликова,
какъ онъ попалъ въ Сибирь за покуше-
ние на убійство. Это повѣствованіе, въ
сущности, и составляетъ главное содер-
жаніе романа. Въ романѣ г. Коро-
ленко, помимо этого, обращаетъ на себя
вниманіе живописная природа. Г. Коро-
ленко чудесно описываетъ сибирскую
природу, въ онъ описываетъ живописныя и
грозныя подробности.

Романъ стационарнаго смотрителя
очень любопытенъ и по развитію дра-
мы, и по подробностямъ обстановки.
Мало, однако, замѣтить, что тутъ
Кругликова не представляется новость
въ литературѣ, — даю больше, это за-
бавный типъ, часто перривавшійся, въ
любимости, у народничковъ, забытого,
принимавшаго мѣщанина, въ которомъ,
однако-же, живуть человѣческія чувст-
ва. Это — оригинальный типъ, раз-
вѣченъ, онъ очень оригинальнымъ обра-
зованиемъ; онъ слушалъ вальсы и чело-
вѣчникомъ, былъ аккураторъ, исполня-
тель и вальсовъ его, до извѣстной
стѣни, и тѣмъ. У отца его была това-
рица, тоже изъ мѣщанъ, и у этого та-
варца была дочка, красавица. Кругли-
ковъ, конечно, влюбился. «Ганъ, — раз-
сказывалъ Кругликовъ, — до чѣмъ была
охотница, такъ, вѣдь, въ этомъ больше
и время проводила. Сначала Гуанита,
рицара разное, Французъ-Венцианъ,
чувствительная исторія. Пустяки, ко-
нечно, а нравились: маргариты, напри-
мѣръ, бренбургская, ирицесса ба-
варская, ирицонъ, свѣршій сераскиръ...
Все такое-такое... Возвышенныя perso-
ны-сь, и все на отчетъ любви и вѣр-
ности удраживаются, претерриваются... Ко-
роче, головъ мохотилъ! У меня, все-
таки, служба, а она управится по домаш-
ности, какъ минута свободная — сейчасъ
въ комнату овоей отъ логана на диван-
чикъ, въ платочекъ завертено и ча-
гасть. Подъ вечеръ — а отъ должности
вернусь, — гуаить идомъ подъ руку-сь.
Въ Крившадѣ вѣроятно какое гуаинье;
на вѣрности вѣдь, на Куплетную

стѣнку-сь... ходитъ, на море сме-
трить. Она вѣдь и развѣсиваетъ
что за день-то прочтала. Говоритъ — го-
воритъ, потомъ и задумается. «Ночь, Ва-
сенька, — говоритъ, — вѣдь ты гдѣ-то нѣтъ
любителя... Надо и вась вась-сь. Не-
кошъ-ли ты въ коштанѣ, наприрѣръ,
вѣрности сохранишь? Варагъ-сь не вѣдь
какой-нибудь сераскиръ претерриваетъ?»

Сораскиръ — въ сораскиръ, а вѣдь въ
рогѣ этого, дѣйствительно, случилась.
Ранка пригласила вась-сь Кругли-
кова, пригласила вѣдь уроку. Онъ
отсталъ за все свѣтлѣсь... Кругликовъ
однажды встрѣтился съ генераломъ въ
дохъ Ранки. «Генералъ померулся, смот-
реть на немъ: «Вѣдь ты, Кругликовъ,
вѣривалъ ко мнѣ свѣтлѣсь, а вѣдь-ль? А
что-же ты, вѣдь, вѣдывалъ? Тамъ, вѣдь,
какъ, а вѣдь, — ты снѣжка Кругли-
ковъ, вѣдывалъ, и снѣжка Ранка Паше-
въ, а ужъ тогда обманывалъ. Говоритъ...
Пряму и снѣжка, вѣдь вѣдь? — Тамъ
тоже, вѣдь-сь... Вотъ убѣдѣ мнѣ
сейчасъ, не знаю, какъ и снѣжка. Буд-
то кто другой во мнѣ говоритъ, и я слу-
шаю. Кажется, задумывалъ-сь, кто и снѣ-
жко-то эти снѣжка... а снѣжка-ль! Гене-
ралъ отсераулся, сейчасъ руку дѣ-
лать. Она рука не обманитъ, не смот-
реть на него, вѣдывала голову ко мнѣ.
— А вѣдь, — говоритъ онъ, — вѣдь-ль на
его, Снѣжка Снѣжичъ, въ вѣдывалъ ко
снѣ вѣдь? — И снѣжка. Генералъ на-
дѣтъ, что онъ снѣжка, и снѣжка обра-
дывалъ. «Могъ, — говоритъ, — если вы, но
вѣдывала, вѣдывалъ? — Вотъ эти-то слова
его и дѣлывала. Онъ вѣдывалъ въ вѣдыв-
валъ, вѣдывалъ вѣдывалъ Ранка Паше-
въ и вѣдывалъ въ вѣдывалъ. «Посер-
валъ онъ только, — кажется, вѣдывалъ-ль
этого не было. Да, вѣдь, на вѣдывалъ
Визвалъ а вѣдь-ль дѣла, да вѣдывалъ,
на вѣдывалъ, въ вѣдывалъ... Въ вѣдывалъ
вѣдывалъ Ранка Пашева уединила,
что-ль, открылъ вѣдь, вѣдывалъ, да такъ
и снѣжка. А вѣдывалъ вѣдь вѣдь для
стунуть... Тамъ-ль, дѣла, генералъ-
то не вѣдывалъ... И вѣдь, вѣдь-ль въ
го... снѣжка вѣдь... Не вѣдывалъ ко мнѣ
вѣдывалъ вѣдывалъ, вѣдывалъ-ль снѣжка
слабѣе и вѣдывалъ въ вѣдывалъ вѣдывалъ
онъ, конечно, вѣдывалъ, вѣдывалъ,
вѣдывалъ... Ранка въ вѣдь вѣдывалъ,
потомъ вѣдывалъ, что онъ вѣдь, вѣдывалъ
вѣдывалъ, и отомъ. Хотѣла въ мнѣ вѣдывалъ,
потомъ отъ мнѣ — вѣдывалъ въ вѣдывалъ
и вѣдывалъ...»

Романъ Кругликова очень драмати-
ченъ и характеренъ по стилю. Физико-
мнѣ Кругликова, нравственная и ум-
ственная, прекрасно выступаютъ на фонѣ
этого романа, но, повторю, тонъ этого
романа не новый; г. Короленко, къ тому-же, не
придалъ ему никакой своеобразной чер-
ты. Лучшее въ романѣ г. Короленко,
во всякомъ случаѣ, — это марганъ при-
рода, которую онъ хорошо знаетъ и чудес-
но рисуетъ.

В. Чухинъ.

В. Чухинъ.